

ОТНОСИТЕЛЬНО СЧАСТЛИВЫЙ

Давид Голощекин считает, что американцы должны в ноги ему поклониться за то, что он сохраняет классический джаз, ныне искажаемый на собственной родине

Знаменитый джазовый фестиваль «Свинг белой ночи», открывающийся в Санкт-Петербурге 29 июня, в этом году будет особенным. Джазмены и поклонники жанра поздравят с творческим юбилеем Давида Голощекина, человека, убедительно доказавшего, что у джаза нет ни границ, ни национальных и расовых приоритетов. Сорок лет назад Голощекин вошел в мир «большого джаза», сразу же заняв в нем одно из ведущих мест. Тогда ему было 17. За прошедшие годы Голощекин достиг в своем мастерстве высот, сделавших бы честь любому выходцу из Нью-Йорка или Нового Орлеана, и при этом умудрился сохранить юношескую влюбленность и преданность жанру, которому присягнул раз и навсегда много лет назад.

Давид Голощекин.
Фото Людмилы Волковой

Вера Камша

ДАВИД СЕМЕНОВИЧ, что вы намереваетесь сказать в своей юбилейной речи?

— Видимо, то, что говорил уже не раз и что все и так уже знают. То, что джаз — это особый мир, что в нынешних условиях работать тяжело, хоть и возможно, что проводить фестиваль становится все труднее, что спонсоры практически нет, «новые русские» не помогают, культурный уровень наших бизнесменов до безобразия низок, а патриотизма никакого не наблюдается. Отсюда и все мои беды, хотя на самом деле я счастливый человек, ведь дело (я говорю о своем детище — филармонии джазовой музыки) живет, да и как музыкант я, пусть и не безоблачно, но счастлив.

— Встретить в наше время счастливого человека непросто...

— А я вот настолько счастлив, что мне не хочется менять ни страну, ни город. Несмотря на то что в России происходит много нехорошего, я убежден не намерен. К счастью, нынешние неприятности не могут непосредственно влиять на то, чем я занимаюсь. Я человек в достаточной степени политизированный, в хате с краю жить не могу, но сегодня мои тревоги относятся в большей степени

к Голощекину-гражданину, а не музыканту. Да, джаз в России нынче беден, и наша филармония держится на энтузиазме тех, кто в ней работает, но мы свободны. В отличие от коммунистического времени, когда никакого развития моей профессии, моего жанра не происходило, а впереди маячила полная бесперспективность. Сейчас нам никто не мешает, не указывает перстом, что и как нужно делать, а это для любого художника главное.

— Значит, знаменитое «мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду?» вы к себе не относите?

— Нет. При всем моем уважении и величайшей любви к Владимиру Высоцкому, с которым мы были знакомы и как-то провели вместе целый месяц. Хотя сопротивление, действительно, подхлестывает. Лично я в свое время занимался джазом с особой яростью, протестуя против того, что не разрешалось. Тем не менее свобода — это прекрасно, у меня множество творческих идей, которые я могу развивать. Джаз — искусство, по определению, свободолобивое, хотя давно уже не протестующее. Этот период прошел, так же, кстати, как и у рока.

— Сейчас многие начинают опасаться возвращения прежних несвобод.

— То есть джаз снова занесут в «черный список» из-за его вражеского американского происхождения? Думаю, до такой глупости не дойдет. По

крайней мере пока я таких симптомов не вижу.

— А прямо противоположных? Ведь нам правдами и неправдами навязывают далеко не лучшие образцы американской массовой культуры.

— Эти опасения более обоснованны. Но я представляю не худшее, а лучшее из того, что дала миру Америка. Настоящий джаз уже стал классикой, а классика — это то, что стоит выше моды, что является точкой отсчета, без чего существование полноценной развитой личности невозможно. Кстати, как это ни парадоксально, но именно мы являемся хранителями канонов американской музыкальной культуры, которыми сегодня пренебрегают многие американские музыканты. Американцы в ноги должны мне поклониться за то, что я сохраняю классический джаз, ныне полузабытый и искажаемый на собственной родине.

— ?!

— На мой взгляд (со мной можно не соглашаться, но я знаю нынешнюю ситуацию), базовые ценности этой музыки, по сути, стерты. Традиционная американская погоня за «длинным долларом», условия, в которые ставят джазовых музыкантов продюсеры и менеджеры, выдвигают на первый план не духовность джаза, а технологии и модные направления, то есть то, что можно выгодно продать. Так что я оказался в положении хра-

нителя основных ценностей джаза, а значит, и американской музыки. Раньше меня ругали за то, что я играл музыку нашего официального врага. Сегодня на меня падает тень от отропной кучи мусора, скопившегося в западной поп-культуре и активно импортируемого нам. Разумеется, весь этот кич вызывает отторжение у людей со вкусом и головой, провоцирует антизападные настроения. Наиболее горячие головы уже начинают отрицать все, имеющее заокеанские корни. Но это неверно, неумно и несправедливо.

Кстати, вы знаете, что в США сейчас кризис джаза? Джаз там никому не нужен. Он не поддерживается государством, к тому же существует огромный переизбыток музыкантов, которые не могут найти работу и правдами и неправдами стремятся попасть в Европу. И в это же время в Петербурге функционирует государственная филармония джазовой музыки! Когда я любому американскому журналисту, критику или музыканту-американцу говорю, что у меня не частный джазовый клуб, а организация, существующая на деньги государства, они чуть с ума не сойдут, потому что в Америке такого нет! Самое богатое и могущественное в мире государство и не думает поддерживать единственный вид музыки, который Америка дала мировой культуре.

— Не могли бы вы вкратце рассказать о джазе, его истории, его роли и месте в мировой музыкальной культуре.

— Мне придется долго говорить, а вам слушать... Принято считать, что джазу около ста лет, но окончательно его ценности сформировались в 50–60-е годы теперь уже прошлого века, а до конца 30-х годов никто еще толком этого жанра не понимал. Долгое время джаз ютился в развлекательных заведениях, а на концертную эстраду не выходил аж до 1938 года, когда в Карнеги-холл появился ансамбль знаменитого кларнетиста Бенини Гудмена, а до этого джазовые музыканты (в том числе и юный Луи Армстронг) играли в самых настоящих борделях. Даже когда джаз из Нового Орлеана постепенно переместился в такие центры, как Нью-Йорк и Чикаго, он все равно не выходил за пределы пав-бов, ресторанов и тансингов. Не знаю, как бы сложилась его судьба, если бы не усилия таких энтузиастов, как знаменитый американский продюсер Норман Гренц, которой организовал музыкантов в компанию под названием «Джаз по-филармонически».

(Окончание на стр. 13)

Независимый газ. 2001 - 2002 - 14 июля - 4 9, 13